

Глава 8. Предсмертный дар в уплату долга; гибель храма и побег к вековому хуанцзюэ

Ся Цзинго вспыхнул от гнева и крепко сжал кулаки.

— Глупости! — воскликнул он. — Моя матушка вознеслась в тот самый день, когда я появился на свет! Зачем ей было использовать меня для своего восхождения?

Крысиный оборотень лишь снисходительно усмехнулся. Дождавшись, пока юноша немного остынет, он неторопливо протянул:

— Но разве ты не провел в ее утробе долгие десять месяцев?

Ся Цзинго опешил, но тут же упрямо возразил:

— Нелепая софистика! Даже если от меня и была какая-то польза для развития сил, я ведь еще даже не родился. Как бы это работало?

Оборотень покачал головой:

— Ты так и не понял, малец. Ты сам по себе — ценнейший артефакт. Даже если ты и пальцем не пошевелишь, любой, кто сумеет использовать твое тело, невероятно ускорит свое восхождение по Пути. Не веришь — предложи тем троим смертным позади попробовать. Посмотри сам, смогут ли они начать развивать духовные силы, не имея от рождения ни единой крупинцы таланта. А уж если ты сам начнешь им потакать, их скорость развития превзойдет все мыслимые пределы.

Ся Цзинго оцепенел. Ему вдруг показалось, что теплая шуба из огненной лисы больше не спасает от ледяного ветра, со свистом врывающегося сквозь дыру в крыше. Лишь спустя долгое время он смог выдавить из себя слабый протест:

— Ты лжешь...

Оборотень промолчал. Ся Цзинго, немного успокоившись, заговорил уже увереннее:

— Ты лжешь! Если все так, как ты говоришь, то мой отец, чей талант ничуть не уступал матушкиному, тоже должен был взлететь к небесам. Однако он так и не совершил прорыва и не вознесся! Отец с детства твердил мне, что матушка смогла преодолеть Небесное испытание только потому, что совершила великое множество добрых дел!

Оборотень хрипло рассмеялся:

— Какое отношение добрые дела имеют к уровню духовных сил? Ты хоть раз видел, чтобы мастер преодолел испытание и вознесся благодаря милостыне, а не изнурительным уединенным медитациям? К тому же, малец, если даже такой ничтожный я разглядел в тебе живой артефакт, почему ты думаешь, что великие мастера с Девятого Неба этого не заметили? И кто, скажи на милость, внушил тебе сказку о том, что ты духовный калека с никчемными корнями пяти стихий?

Ся Цзинго упрямо вскинул подбородок:

— В школе все так считают.

Оборотень лишь беззвучно скалился в ухмылке. Под его липким, пронизывающим взглядом Ся Цзинго стало не по себе. Поразмыслив, он уже тише добавил:

— ... Пожалуй, это пошло от отца.

— Твой отец? Если я правильно понимаю, в Школе Девяти Великолепий он далеко не последний человек. Какова же его нынешняя ступень?

— ... Сфера Дунсюй.

— Шаг до Великого достижения и Небесного испытания. Что ж, достоин звания мастера Школы Девяти Великолепий, — прищурившись, небрежно бросил оборотень.

Ся Цзинго застыл.

А ведь действительно... Отец уже много лет топчется на месте в сфере Дунсюй, не продвинувшись ни на йоту. И еще... куда бы отец ни направлялся, он всегда брал его с собой. Единственное исключение — уединенные медитации. В них отец никогда не делил с ним ложе и практиковал в одиночку, оставляя Ся Цзинго заниматься вместе со старшим братом...

Слова оборотня вывели Ся Цзинго из оцепенения. Он с ужасом обнаружил, что его спина взмокла от холодного пота. В этот лютый зимний день холод пробирал до самых костей.

«Почему? Зачем отец это делал?»

«Если в моем теле действительно скрыта столь пугающая тайна, если я сам обречен оставаться бессильным, а отец избегал совместных медитаций... То вывод напрашивался лишь один. Он намеренно сдерживал собственное развитие, отказываясь от вознесения. Он остался... чтобы защитить меня».

Ся Цзинго беззвучно пошевелил губами, но так и не смог вымолвить ни слова.

В хитрых, прищуренных глазах крысиного оборотня промелькнуло понимание:

— Этот Великий Бессмертный видит, что твой отец пошел на огромные жертвы ради тебя. Вот только времена нынче лихие. Небо рушится, и вашей Школе Девяти Великолепий, сдается мне, не уцелеть. Ох и солоно же тебе придется в будущем, малец.

Ся Цзинго не ответил и даже не взглянул на него.

Оборотень немного помолчал, затем заговорил вновь, его голос звучал все тише:

— Послушай, малец. У вас, людей, говорят: «Перед смертью человек искренен в своих речах». Этот Великий Бессмертный за всю свою жизнь не совершил много благородных поступков, но кодекс чести чтит свято. Долг платежом красен. Твоя матушка оказала мне милость, да и ты помог. Если я испущу дух прямо сейчас, не вернув долг, у меня останутся мирские привязанности. Придется отрабатывать их в следующей жизни, а это лишняя обуза. Так и быть, я укажу тебе путь к спасению.

Заметив, как Ся Цзинго медленно поворачивается к нему с растерянным лицом, оборотень криво усмехнулся:

— Подойди поближе, малец. Я научу тебя, как правильно использовать твое собственное тело. В будущем ты сможешь отыскать того, кому доверяешь безраздельно, и возвысить его. Когда этот человек превзойдет десятерых, когда его меч станет косить врагов направо и налево, никто в целом свете больше не посмеет посягнуть на твою жизнь.

Ся Цзинго промолчал, упрямо отвернувшись.

— Что такое? Тебе не нравится эта затея? — хмыкнул оборотень. — Уж поверь, в одиночку тебе точно не сдобровать.

Немного успокоившись, Ся Цзинго снова сел у стены.

— То, что мои духовные корни никуда не годятся — неоспоримый факт. Все твои речи — лишь домыслы, лишённые доказательств, и я в них не верю. Ладно, допустим, отец скрывал правду. Но неужели все старейшины и наставники нашей школы тоже сговорились лгать мне? Кроме того, если все обстоит так, как ты расписываешь, и они могут использовать меня без моего на то согласия, то к чему какие-то особые методы? Значит, любой желающий может сделать это в любой момент. Зачем тогда твоя наука? Но даже если предположить, что это редкое тайное искусство, недоступное невеждам, то и бояться мне нечего.

Закончив говорить, юноша умолк. Скрестив ноги в двойном лотосе, он попытался войти в медитативное состояние. Мысли его хаотично метались, мешая обрести покой, необходимый для созерцания, но иного способа отвлечься он не знал. На словах Ся Цзинго отрицал все

услышанное, но в глубине души уже поверил оборотню почти полностью. Не хватало лишь одного — проверить это на ком-нибудь лично.

Крысиный оборотень, на удивление, тоже надолго затих.

Время медленно утекало. Костер постепенно угасал, пока Сян Жун не притащил охапку хвороста. Языки пламени с веселым треском устремились вверх, пожирая сухие ветки.

Оборотень безучастно созерцал пляску алого пламени, окрасившую его облезлую белую шерсть в багровые тона.

— Не хочешь учиться — воля твоя, — глухо обронил он. — Как ты верно заметил, секрет этот невелик. Что ж... этот Великий Бессмертный и впрямь уходит. Защитный барьер от четок долго не продержится. Позволь мне подарить тебе убежище, которое спасет ваши жизни.

Ся Цзинго медленно открыл глаза.

Он понимал, что старик-крыса говорит правду. Еще во время неудавшейся медитации он заметил, что сияние буддийских четок тускнеет, а границы барьера неумолимо сжимаются. Стоит энергии иссякнуть, и защита рухнет. Оставаться здесь дольше было нельзя.

— Подземные толчки снаружи прекратились, ты заметил? — вновь заговорил оборотень.

Ся Цзинго кивнул.

— Вот и отлично. Мое тайное убежище расположено под землей. Если землетрясение не разрушило его до основания, наложенные мною защитные чары все еще действуют. Там вы сможете переждать катастрофу, бушующую на поверхности. Ключом к обители служит колокольчик на моей шее. Отправляйтесь на заднюю гору, отыщите на Поляне Пяти Колец старое дерево хуанцзюэ, ствол которого едва ли обхватят пятеро взрослых мужчин. Направьте духовную энергию в колокольчик, и тогда проход в мое подземелье... откроется.

— Старший... — Ся Цзинго уловил предельную слабость в угасающем голосе оборотня. Он порывисто поднялся, шагнул вперед и склонился в низком, почтительном поклоне. — Благодарю за спасение наших жизней.

Юноша прекрасно знал, что личные обители духов-оборотней создаются для уединенных практик и защиты от врагов, а потому укрепляются ценнейшими барьерами, на которые тратятся колоссальные силы.

— Лишь плачу долги, — слабо махнул лапой оборотень. — Ступайте...

— Я заберу тебя с собой, — решительно произнес Ся Цзинго и направился к нему.

Крысиный оборотень приподнял веки, взглянул на него, едва заметно улыбнулся и, ничего не ответив, навсегда закрыл глаза.

Ся Цзинго ощутил, как к горлу подкатывает горький ком. Как ни пытался он подавить эту внезапную скорбь, эмоции брали верх. Практикующие свято верили в необходимость бесстрастия: лишь избавившись от мирских привязанностей и волнений, можно сберечь чистоту тела и разума для постижения Пути. Совсем недавно Ся Цзинго дал волю слезам, оплакивая отца, и вот судьба нанесла новый удар. В этот миг он отчетливо осознал: подобные душевные бури невозможно обуздать одним лишь усилием воли.

Ему не раз доводилось слышать, что практиковать в мире смертных труднее всего именно из-за бесчисленных искушений и чувств, лишаящих душевного покоя. Раньше он не понимал истинного смысла этих слов. Но теперь, столкнувшись с двумя тяжелыми утратами за один-единственный день, он начал смутно осознавать суть этой истины. Впрочем, мысли его по-прежнему путались.

Подойдя к крысиному оборотню, Ся Цзинго прикоснулся к его носу. Дыхание прервалось.

Ся Цзинго закрыл глаза. Постояв так какое-то время, он опустил на колени и трижды коснулся лбом пола, отдавая дань уважения усопшему. Лишь после этого он осторожно снял с шеи оборотня колокольчик из белого нефрита Хэтянь с символикой Восьми Сокровищ.

Повернувшись к спутникам, он спросил:

— Вы хорошо знаете здешнюю заднюю гору?

Сян Жун кивнул:

— Я знаю, где растет это дерево хуанцзюэ. — Он запнулся, глядя на безжизненное тело. — Этот старик спас нас. Будет справедливо похоронить его по-человечески, прежде чем мы уйдем. Во двор выходить опасно, но мы можем отнести его чуть дальше в глубь заднего двора, держась под защитой четок, и вырыть могилу там.

Фэн Фулин молча кивнул в знак согласия и поднялся на ноги.

Сян Жун огляделся по сторонам и поудобнее перехватил копье, собираясь использовать наконечник вместо лопаты. В этот момент Сян Юй испуганно вскрикнула:

— Сверху! Что-то падает!

Только теперь Ся Цзинго заметил, как резко потемнело небо. Задрав голову, он обомлел: прямо на них стремительно пикировала колоссальная тень.

— Бежим! — выкрикнул он.

Сян Жун похолодел от ужаса. Какая уж тут могила — спастись бы самим от верной гибели! Не теряя ни секунды, он метнулся к сестре, сгреб ее в охапку вместе с одеялом и сломя голову бросился к выходу, увлекая всех за собой. Все их нехитрые пожитки остались лежать на полу. Фэн Фулин, не обремененный ношей, на бегу успел подхватить мешок с провизией. Ся Цзинго, стоявший ближе всех к оборотню и оказавшийся за пределами защитного барьера четок, не успел взять ничего. Он просто рванул следом.

Подгоняемые смертельной угрозой, четверо беглецов вылетели из заднего зала разрушенного храма и помчались прочь. Падающие с небес осколки скал и обломки колотились о купол четок, но барьер держался, принимая удары на себя. Однако за эту защиту приходилось платить дорогую цену: Ся Цзинго с тревогой заметил, как сияние на границе купола тает буквально на глазах. Запас духовных сил артефакта иссякал с пугающей скоростью.

Оставалось лишь надеяться, что сил хватит до задней горы.

Когда они наконец миновали зону падения и вырвались из-под колоссальной тени, Ся Цзинго обернулся. Падающий исполин оказался огромным земляным холмом, усаженным ровной, аккуратной рощей изумрудного бамбука. Должно быть, некогда эта земля принадлежала благородному мастеру, ценившему уединение и душевную чистоту...

Ся Цзинго не знал, радоваться ему или скорбеть.

Высший мир... действительно рушился на землю.

Неужели и Мир Девяти Великолепий тоже обречен рухнуть вниз?

«Как же хочется поскорее вернуться туда, своими глазами убедиться, что все в порядке... Но как же страшно увидеть, что небо действительно падает».

Раздался грохот!

Земля содрогнулась от оглушительного гула.

Огромный холм с шумом рухнул на ветхий храм. В одно мгновение древние стены исчезли под горами земли и поваленным бамбуком, а в воздух взметнулось колоссальное облако серой пыли.

Когда завеса дыма и пыли рассеялась, Ся Цзинго в последний раз взглянул на изломанные, хаотично торчащие из земли стебли бамбука.

Теперь эта изувеченная роща стала вечной усыпальницей для старого оборотня.

«Прах к праху, земля к земле. Все земные привязанности разорваны. Покойся с миром».

Взмахом руки призвав ледяной меч, он поспешил за Сян Жуном.

Ся Цзинго покосился на Сян Юй, безвольно повисшую на спине брата, затем перевел взгляд на сиротливый узелок в руках Фэн Фулина. На душе стало тревожно.

«У нас осталось всего одно одеяло, в которое укутана Сяо Юй. Как же нам спастись от ночного холода?»

<http://bllate.org/book/20066/2038105>